

- <https://kemsu.ru/news/40292-studenty-iz-5-stran-mira-prinyali-uchastie-v-maslenichnykh-gulyaniyakh-v-kemgu/> (дата обращения 19.05.2023).
7. Тер-Минасова С.Г. Глобальная деревня, или Вавилонская башня: языковая и межкультурная коммуникация // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2004. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-derevnya-ili-vavilonskaya-bashnyayazykovaya-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya/viewer>. (дата обращения 27.03.2022).
 8. Центр межкультурных коммуникаций КемГУ. URL: https://vk.com/cm_k_kemgu?w=wall-143065474_396 (дата обращения 19.05.2023).
 9. Центр межкультурных коммуникаций КемГУ. URL: https://vk.com/cm_k_kemgu?z=photo-143065474_457239853%2Falbum. (дата обращения 18.05.2023).

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Максимова С.Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О.Е., Барнаул (Россия)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.).

Аннотация. В публикации представлены результаты социологического исследования религиозной идентичности и духовной безопасности населения четырех приграничных регионов России (Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, массовый опрос $n = 1860$; экспертный опрос $n = 120$). Целью исследования являлось выявление связи между уровнем религиозности населения и безопасностью духовной сферы жизни. По итогам проведенного анализа выделены ключевые факторы, формирующие параметры духовной безопасности регионов. Для Алтайского края ключевым фактором стал межконфессиональный диалог и государственно-конфессиональные отношения, для Новосибирской области духовная сфера определяется практически всей совокупностью взаимосвязанных условий за исключением открытости религиозных организаций и защищенности права на свободный духовный выбор, схожая картина и в Республике Тыва. Выявлено, что связь между уровнем религиозности населения и безопасностью духовной сферы жизни существует, немаловажную роль в данном процессе играют религиозные институты,

поддерживающие традиционную религиозную культуру; религиозную, этническую и гражданскую идентичности населения; распространение религиозных ценностей и норм.

Ключевые слова: *религиозность, религиозная идентичность, духовная безопасность, приграничные регионы*

RELIGIOUS IDENTITY AND SPIRITUAL SECURITY OF POPULATION IN BORDER REGIONS OF RUSSIA

Maximova S.G., Omelchenko D. A., Noyanzina O.E., Barnaul (Russia)

The publication was prepared within the framework of the project RNF 22-28-01120 «Models of construction of religious identity in border regions of Russia: institutional mechanisms, strategies and practices» (2022-2023).

Abstract. *The article presents the results of a sociological study on religious identity and spiritual security among population in four border regions of Russia (Novosibirsk Oblast, Altai Krai, Republic of Altai, Republic of Tyva, mass survey n = 1860; expert survey n = 120). The purpose of the study was to identify the relationship between the level of religiosity of the population and the security in the spiritual sphere of life. The results of the analysis allowed to identify key factors, determining the parameters of spiritual security in border regions. In Altai Krai the main factor was inter-confessional dialogue and state-confessional relations; in Novosibirsk Oblast, the spiritual sphere was determined by almost the entire set of interrelated conditions, except for the openness of religious organizations and the protection of the right to free spiritual choice; the picture was similar in the Republic of Tyva. It was revealed that there is a connection between the level of religiosity of the population and the security of the spiritual sphere of life, an important role in this process is played by religious institutions that support traditional religious culture; religious, ethnic and civil identity of the population; dissemination of religious values and norms.*

Keywords: *religiosity, religious identity, spiritual security, border regions*

В настоящее время представлено достаточно научных работ, подтверждающих гипотезу о взаимосвязи и взаимообусловленности в современном мире институтов религии и духовной безопасности, их совместном функционировании и уязвимости перед лицом глобальных вызовов, операционализации через пересекающуюся систему категорий несмотря на очевидно более широкий охват проблемного поля концептом духовной безопасности. Вместе с тем, и та, и другая категория отличны высокой степенью размытости, подвижности содержания и форм проявления.

Исследователи религии подчеркивают распространенность «поверхностно-мимолетных» верований о широко понимаемой

концепции Бога, что совершенно не дает понимания религиозности населения. В этом контексте сложно классифицировать и категорию населения, находящегося в процессе «осознанного духовного поиска» (явление так называемого «шейлаизма» (духовного искания) (Voas, 2009) [9], так большинство христиан, православных сегодня секулярны по своим личностным целям, их религиозная идентичность, хоть и может быть эмпирически описана, но каковы шансы ее сохранности и ретрансляции? Какова ее социальная значимость, и способна ли она обеспечить духовную безопасность личности, группы, общества?

Отдельно необходимо отметить и степень влияния приграничья на особенности проявления религиозной идентичности населения в условиях активной международной миграции [1].

Несомненно, дискуссия о разнообразии религиозности и религиозных идентичностей остается открытой. Вместе с тем исследователи указывают на растущее безразличие, которое рассматривается в качестве угрозы как для религии, так и для духовной безопасности общества, имеет разрушительное воздействие на оба института.

Воас и соавторы утверждают, что общество (особенно – западное) секуляризируется на протяжении века, и этот процесс необратим [10, 11]. Соответственно, растет «светская духовность», которая рассматривается как ресурс безопасности общества в духовной сфере. Однако есть работы, в которых авторы находят много сакрального в этой новой «нерелигиозной» духовности (Heelas P., Houtman D.) [3, 4]. Например, голландские авторы Хилас и Вудхэд пишут о том, что на основе христианских ценностей формируется новое «духовное» мировоззрение [5]. Так возникает новый тип духовности – Нью Эйдж – как духовная революция, охватывающая всю сферу культуры, частью которой является и религия.

Вслед за духовностью и религиозными идентификациями, меняются и религиозные ландшафты, они усложняются и фрагментируются в зависимости от баланса традиционных религий и «новых», «альтернативных» или, так называемых, «посттрадиционных» религий, распространения пострелигиозной духовности. Так, в литературе начинает все чаще эксплуатироваться понятие «постхристианская» духовность, или «сделай-сам-религия» (см. Хилас и Вудхэд) [5], что отражается и на сегментации духовной сферы жизни, делает ее неустойчивой и нестабильной. Е.Д. Руткевич [2], опираясь на работы Хутмана и Оперса [6], пишет о том, что трансформация религии приводит к революции не светской, а духовной жизни.

Сегодня меняются и дифференцируются процессы институционализации и клерикализации религии, трансформируются и возможности религии в процессах развития общества и истории государств. Так, в классическом понимании, институционализация предполагает рутинизацию религии, то есть, без рутинизации институционализация не происходит, однако, с учетом сказанного, можно утверждать, что в меняющемся мире эта рутинность «постоянно преодолевается», ведь этот процесс предполагает устойчивость, репродукцию традиций, чего мы не можем в полной мере наблюдать.

В 2022-2023 гг. научным коллективом Алтайского государственного университета в рамках проекта РФФ в четырех приграничных регионах России – Алтайском крае, Новосибирской области, республиках Алтай и Тыва проводилось социологическое исследование, направленное на изучение различных аспектов проявления религиозности населения. Выборочная совокупность составила 1860 человек от 18 до 70 лет, способ сбора данных – онлайн опрос с контролем территориальных и социально-демографических параметров генеральной совокупности. В рамках исследования институциональных аспектов формирования духовной безопасности духовной безопасности были проведены экспертные опросы представителей религиозных организаций, научной и педагогической общественности регионов (120 экспертов). Выбор регионов определялся следующими факторами: с одной стороны, все четыре региона принадлежали к общей зоне азиатского приграничья (Алтайский край и Новосибирская область граничат с Казахстаном, Республика Алтай – с Казахстаном, Монголией и Китаем, Республика Тыва – с Монголией), с другой, – имели особенности этнического и конфессионального состава, обладающие значительным потенциалом для сравнительного анализа.

В рамках изучения уровня и выраженности религиозности населения четырех приграничных регионов Российской Федерации на основе социологических опросов был рассчитан индекс центральности религиозности населения российского приграничья.

Используемый подход основан на применении методики CRS (шкала центральности религиозности, Ш. Хубера) [10, 11], на основе тестовых шкал, апробированных на данных международных исследований в 25 странах.

Индекс основан на интеграции пяти структурных компонентов религиозности – интеллектуального, идеологического, публичных религиозных практик, личных религиозных практик и религиозного опыта (тестовая норма для России составляет 2,45 балла при

стандартном отклонении 0,96 балла. В нашем исследовании для регионов приграничья тестовая норма составила 2,41)

Выраженность религиозности населения по-разному проявляется во всех охваченных исследованием регионах, причем находит свое своеобразное преломление не только по оси этнических республик – полиэтничных регионов с «русским ядром», традиционно тяготеющим к православию, но представляет собой и более сложное разнообразие.

Так, в Республике Тыва самая большая доля религиозного населения, но при этом в Тыве 75,3% относятся к религиозной части населения, очевидно, что для подавляющего большинства жителей республики вера и религиозное мировоззрение являются ключевыми смыслами жизни, однако выраженность этой веры и ее деятельностное, поведенческое воплощение скорее носят «ровный» характер, то есть является частью повседневной культуры и быта тувинцев, глубоко «проросшей» и в секулярные, светские практики и во многом уже неотличимой от них.

В Республике Алтай самая высокая доля высокорелигиозного населения – 6%, это, в частности, может быть связано с возрождением и усилением этнического самосознания коренных жителей республики, происходящими в последние годы, в чем-то демонстративности, декларативности религиозной принадлежности, тесно сопряженной с этнической самобытностью.

В Алтайском крае несколько ниже доля высокорелигиозного населения – 3,3%, однако существенно выше доля нерелигиозных – 41,8%, а чуть более половины (54,9%) можно назвать религиозными людьми.

Новосибирская область, по сравнению с этническими республиками и даже Алтайским краем, занимает оппозиционное положение с преимущественно нерелигиозным населением, к которому относятся 52,9% жителей, принявших участие в исследовании, доля высокорелигиозных здесь составила 2,4%, религиозных – 44,7%.

В рамках оценки институциональных условий функционирования духовной безопасности экспертов – жителей приграничья просили провести оценку эффективности (достаточности) в их регионах проживания (1) социальных условий для сохранения и развития духовной безопасности (3 утверждения); (2) внутри- и межконфессиональных условий, описываемых пятью утверждениями; и (3) и социально-политических условий в рамках оценки трех утверждений.

Каждое из условий оценивалось на основе вопроса: «Оцените, пожалуйста, по 10-балльной шкале насколько эффективно в Вашем регионе обеспечиваются условия для духовной безопасности?» и по 10-балльной шкале, где «1» – условие наименее выражено, «10» – условие максимально выражено.

Мы видим, что во всех регионах создана довольно благоприятная среда для сохранения духовной безопасности – каждое из условий экспертами оценено в среднем на уровне выше 6 баллов, обратим внимание, при диапазоне оценок в 9 баллов – от оценки в 1 балл и до 10 баллов, медианное значение оценок выраженности условий очень велико, а в отношении оценки эффективности реализации права на свободу вероисповедания и совести медиана равна 10 баллам. Если обратиться к анализу средних оценок, наиболее выраженным является, как уже отмечено, право на реализацию свободы совести и вероисповедания ($m = 8,64$), на второй позиции – выраженные позитивные отношения (бесконфликтные) между представителями разных конфессий в регионе ($m = 8,0$, $M = 9,0$). На третьей позиции по выраженности – маркер межконфессиональных отношений – взаимоуважительные отношения между конфессиями ($m = 7,81$, $M = 9,0$) и позитивные государственно-конфессиональные взаимодействия (диалог государства и религиозных лидеров) ($m = 7,6$, $M = 8,5$).

Лучше понять содержание региональных моделей институционализации духовной безопасности поможет поиск латентных структур, определяющих оценки условий для развития и сохранения духовно-нравственной сферы жизни общества, индивидов и их групп. С этой целью на региональных выборках были реализованы процедуры факторного анализа.

По итогам проведенного анализа выделены ключевые факторы, формирующие параметры духовной безопасности регионов. Для Алтайского края ключевым фактором стал межконфессиональный диалог и государственно-конфессиональные отношения, для Новосибирской области духовная сфера определяется практически всей совокупностью взаимосвязанных условий за исключением открытости религиозных организаций и защищенности права на свободный духовный выбор, схожая картина и в Республике Тыва, тогда как в республике Алтай все факторы явили собой монолитную структуру взаимосвязанных переменных.

Продолжая рассмотрение вопросов институционализации духовной безопасности, отметим, что, эксперты в равной мере считают определяющей роль как религиозных организаций и их лидеров (57,7% выборов), так и органов государственной власти (55,7%). Отметим, что

и деятельность органов государственной власти, к сожалению, в современном российском обществе весьма персонализирована, то есть очень многое в механизмах реализации государственной политики (в том числе и конфессиональной сфере) зависит от личного восприятия и отношения персон, принимающих решения. Конечно же, нельзя и умалять содержание концепций государственной политики и социальной политики церквей, которые определяют содержание, механизмы и тональность сферы духовности и, в конечном итоге, ответственны за качественные параметры сферы духовной жизни общества. В существенно меньшей степени определяют параметры духовной безопасности отдельные группы или само население (13,4% выборов), представители и институт законодательной власти (8,2%).

Полученные оценки в региональных сравнениях варьируют в отношении некоторых альтернатив, что визуально можно наблюдать на рисунке. Так, если роль органов государственной власти разных уровней была оценена в качестве определяющей примерно на одном уровне по всех четырех регионах, то в Республике Алтай, например, эксперты существенно меньшее значение придают роли религиозных организаций и их отдельных лидеров (48,3%). При этом в данной республике, по мнению экспертов, существенно большую роль в сохранении и поддержании духовной безопасности играет само население (24,1% выборов), роль которого в Новосибирской области вообще не отмечена экспертами. То есть эксперты области воспринимают население как потребителя уровня духовной безопасности, параметры которого заданы религиозными и государственными институтами и их лидерами. Обратим внимание, что именно в Новосибирской области роль религиозных лидеров выходит на первый план в экспертных оценках, что, очевидно, отражает специфику сложившихся конфессиональных взаимодействий в регионе.

Обратим внимание также и на распределение оценок роли институтов гражданского общества в определении ключевых параметров духовной безопасности. Наиболее выраженной и заметной эта роль видится экспертами Республики Тыва, о чем сообщили четверть экспертов 25%, тогда как в прочих регионах она существенно меньше. Роль институтов представительной власти и депутатского корпуса наименее «заметна» экспертам Алтайского края, а наиболее выражена в Республике Алтай и Республике Тыва).

Вместе с тем, духовная безопасность населения далеко не всегда связана с религиозностью населения, это более широкое, и функционально, и в ценностном наполнении понятие. Конечно же,

религиозные ценности (во всяком случае – традиционные) во многом служат опорой стабильности духовной жизни, конструктивного жизненного сценария, вместе с тем духовная безопасность отражает цивилизационные достижения в совокупности, включая историческую память, базовые ценности, и многое другое. Духовная безопасность опирается и на институты социализации, прежде всего – семью и систему образования, хотя впитывает в себя и ценности массовой культуры, впитываемые посредством популярной культуры.

В большинстве случаев эксперты соглашались с наличием сильной связи между религиозностью населения и уровнем духовной безопасности общества, но при этом обращали внимание на то, что сильная религиозность не дает гарантий высокого уровня безопасности (51,8%). То есть эксперты в принципе выделяют роль религиозности населения в формировании и поддержании духовной безопасности социума, однако расходятся во мнениях относительно направленности и вектора этой связи.

Региональные конструкты ответов на данный вопрос весьма отличны друг от друга. О слабой связи между уровнем религиозности и духовной безопасностью населения чаще всего говорили жители этнических республик приграничья – Алтая (41,7%) и Тывы (37,5%). Но, обратим внимание на то, что в Республике Алтай ни один из экспертов в области конфессиональных отношений не говорил о наличии сильной прямой связи между религиозностью населения и уровнем безопасности в духовной сфере, а в Республике Тыва довольно существенная часть экспертов уверены в отсутствии связи между религиозностью и духовной безопасностью (12,5%).

Итак, согласно экспертных оценок, связь между уровнем религиозности населения и безопасностью духовной сферы жизни существует, однако, в таком случае, насколько в процессе этой взаимообусловленности задействованы религиозные институты и их наиболее очевидные «представительства». Каковы наиболее очевидные и ярко проявляющиеся в современных условиях эффекты их деятельности? Для оценивания экспертам предложена цепочка альтернатив, описывающих возможные варианты таких эффектов, из которых можно было выбрать пять наиболее вероятных сценариев. На основе рейтингования частоты экспертных выборов мы увидели, что в современном обществе наиболее распространенными результатами деятельности религиозных организаций являются в равной мере ретрансляция традиционной религиозной культуры, поддержка религиозной, этнической и гражданской идентичности населения (62,9% выборов экспертов) и поддержание религиозных добродетелей

и нравственной чистоты, распространение религиозных ценностей и норм (61,9%).

Не нашли существенной поддержки экспертов такие гипотезы, как нивелирование индивидуальности и чрезмерный контроль населения со стороны религиозной группы (5,2%), распространение религиозных фанатиков, распространяющих экстремистские лозунги, но опирающихся на идеи традиционных религий (2,1%), формирование в общественном сознании сценария борьбы с иноверцами (2,1%), противостояние религиозных и государственных институтов в борьбе за власть, влияние на население и усиление разрозненности населения, формирование угроз духовной сплоченности и единству нации (по 1% выборов экспертов).

Рассмотрение оценок экспертов в региональном преломлении принципиально не меняет структуры ключевых эффектов деятельности религиозных объединений в России. Вместе с тем важно отметить, что деструктивные тенденции фиксировались экспертами исключительно Республики Алтай, где эксперты отмечали такие направления влияния как формирование в общественном сознании сценария борьбы с иноверцами (6,9% выборов), распространение религиозных фанатиков, распространяющих экстремистские лозунги, но опирающихся на идеи традиционных религий (6,9%), противостояние религиозных и государственных институтов в борьбе за власть, влияние на население (3,4%) и усиление разрозненности населения, формирование угроз духовной сплоченности и единству нации (3,4%).

Наиболее выражена и определенно конструктивная роль религиозных организаций в современном тувинском обществе, а наименее – в Республике Алтай и Алтайском крае.

Оценки духовной безопасности сложно сопоставить с параметрами социально-политического и экономического характера, это особый слой культурного ландшафта территории. В данном случае обследованные территории весьма похожи друг на друга доминирующей характеристикой скорее благополучного со спокойной религиозной ситуацией, бесконфликтными взаимодействиями между религиями и конфессиями (АК – 81,3%, НО – 94,4%, РА – 54,5%, РТ – 76,4%), а в Алтайском крае и Республике Алтай, помимо этого, высоки доли оценок регионов как территорий, имеющих высокий уровень духовной безопасности, благоприятную ситуацию в сфере межконфессиональных отношений (18,8% и 22,7% соответственно).

Наиболее неоднозначной представляется ситуация в духовной сфере Республики Алтай, где, как и при оценке региональной

экономики и инфраструктуры, мнения более дисперсны – здесь существенная доля оценок (18,2%) свидетельствует о сложной религиозной ситуации, где имеются разногласия между разными представителями различных религиозных течений и верований. Такие оценки, помимо Республики Алтай, получены также и в Республике Тыва (6,3%). Более того, Республика Алтай оказалась единственной территорией, где эксперты сообщали (4,5%) о том, что в их республике имеются многочисленные угрозы духовной безопасности, напряженность религиозной обстановки, межрелигиозные конфликты.

Таким образом, на основе анализа полученных данных, мы увидели, что в четырех приграничных регионах создана довольно благоприятная среда для сохранения духовной безопасности. Наиболее выраженной является свобода граждан - совести и вероисповедания, в целом благоприятный градус межконфессиональных отношений, а также вполне гармоничные взаимодействия между государством и религиозными объединениями.

Относительно духовной безопасности, то ее ресурсы и источники вполне защищены, однако факты деструктивного влияния новых религиозных течений и экстремистских идей осознаются и фиксируются экспертами, причем признается подверженность и слабая защищенность населения именно в данном контексте. Особенно выраженными такие угрозы являются в Новосибирской области.

Отметим, что сегодня церковь в России вполне открыта и современна, хоть пока недостаточно, но уже ведет диалог с окормляемым населением в виртуальном пространстве, взаимодействует в конструктивном ключе с представителями традиционных конфессий. Государство, в свою очередь, ведет диалог с традиционной церковью. Вместе с тем, эксперты неоднозначно оценивают взаимовлияние церкви и государства, в том числе при решении проблем общества. Негативные, деструктивные по отношению к течению общественных процессов, тенденции в деятельности религиозных организаций, видимо, имеют незначительную распространенность в этих четырех приграничных регионах, проявляясь уникальным образом и не имея широкого общественного резонанса.

Литература

1. *Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е.* Международная миграция в приграничных регионах России: опыт структурного моделирования установок населения // Вестник Российского

- университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4. С. 737-755.
2. Руткевич Е.Д. От «Религиозности» к «Духовности»: Европейский контекст. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2014. №1. С. 5-25.
 3. Heelas P. The Spiritual Revolution: From “religion” to “spirituality” // Religion in Modern World / Ed. by L. Woodhead, P. Fletcher, H. Kawanami, D. Smith. Routledge, 2002.
 4. Heelas P., Houtman D. Research Note: RAMP Findings and Making Sense of the “God Within Each Person, Rather than Out There” // Journal of Contemporary Religion. 2009. Vol. 24. No. 1.
 5. Heelas P., Woodhead L., Seel B. et al. The Spiritual Revolution. Why Religion is giving Way to Spirituality. Blackwell Publishing, 2005.
 6. Houtman D., Aupers S., Heelas P. Christian Religiosity and new age spirituality: A cross-cultural comparison // Journal for the Scientific Study of Religion. 2009. No. 48 (1).
 7. Huber S. Religion Monitor 2008: Structuring Principles, Operational
 8. Huber S., Ackert M., Scheiblich H. Religiosität in unterschiedlichen Religionskulturen – Vergleiche auf der Basis der Centrality of Religiosity Scale. cultura & psyché. 2020. No. 1(1-2), P. 171-185.
 9. Voas D. The Rise and Fall of Fuzzy Fidelity in Europe // European Sociological Review. 2009. Vol. 25, №2. P. 156.
 10. Voas D., Day A. Recognizing Secular Christians: Toward an Unexcluded Middle in the Study of Religion // ARDA Guiding Paper Series. URL: http://www.thearda.com/rrh/papers/guidingpapers/voas_es_say.doc. (дата обращения: 07.02.2023).
 11. Voas D., Doebler S. Secularization in Europe: Religious Change between and within Birth Cohorts // Religion and Society in Central and Eastern Europe. 2011. No. 4(1).